

Одинокова Вероника Александровна

руководитель направления «Инновационные программы и фандрайзинг» Региональной общественной организации социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит»

ОБЗОР МАКРО- И МИКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ПРОБЛЕМНОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ

Аннотация:

Целью данной статьи является идентификация и обзор современных макро- и микросоциологических теорий, применяемых для объяснения проблемного потребления алкоголя. Особое внимание уделено эмпирической проверке теорий или их элементов применительно к российской алкогольной ситуации. Рассмотрены основные положения современных теорий и их приложение для объяснения вовлечения в проблемное потребление алкоголя.

Ключевые слова:

алкоголь, алкоголизм, проблемное потребление алкоголя, вредное потребление алкоголя, теория, модель, социология, социальные факторы, поведение.

Odinokova Veronika Aleksandrovna

Head of "Innovation Programs and Fundraising" division, Regional Non-Governmental Organization of Social Projects in the Sphere of Population's Well-being "Stellit", St. Petersburg

A REVIEW OF MACRO- AND MICRO SOCIOLOGICAL THEORIES OF PROBLEMATIC ALCOHOL CONSUMPTION

Summary:

The purpose of this article is to identify and review the modern macro- and micro-sociological theories applied for explanation of the alcohol abuse. Particular attention is paid to empirical verification of the theories or their elements in the context of the alcohol situation in Russia. The author considers the main features of modern macro-and micro- sociological theories and their application for explaining the problem of alcohol abuse.

Keywords:

alcohol, alcoholism, alcohol abuse, harmful alcohol consumption, theory, model, sociology, social factors, behavior, Russia.

Введение. По данным Всемирной организации здравоохранения, россиянин в возрасте старше 15 лет в год в среднем употребляет почти 16 литров чистого алкоголя [1]. По уровню тяжелых социальных и медицинских исходов алкоголизации наша страна относится к абсолютным лидерам среди европейских стран [2, 3]. Отличительной особенностью алкоголизации населения России является значительная историческая устойчивость и резистентность к мерам контроля и ограничения доступности [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

Одним из наиболее перспективных подходов к изучению алкогольных проблем на уровне общности является так называемый социально-поведенческий подход [12]. В отличие от медицинского подхода, с точки зрения социально-поведенческого, причины этих проблем заключены преимущественно в воздействии на социум и отдельные социальные группы разноуровневых социальных факторов. В зарубежной науке разработаны десятки теорий, которые описывают факторы вовлечения в проблемное потребление алкоголя. Менее развито это направление теоретизирования в отечественной науке.

Целью данной статьи является идентификация и обзор современных макро- и микросоциологических теорий проблемного потребления алкоголя. Особое внимание будет уделено эмпирической проверке теорий или их элементов применительно к российской алкогольной ситуации.

Методы. Библиографический поиск проведен по ключевым словам «алкоголизм», «проблемное потребление алкоголя», «теория», «социология», «alcohol», «alcoholism», «problem alcohol use», «theory», «sociology» в базах данных реферируемых научных публикаций: Российский индекс научного цитирования, Web of Science и EBSCOhost. Термин «проблемное потребление алкоголя» (или «проблемная алкоголизация») использован, в соответствии с определением ВОЗ [13], для определения потребления алкоголя, превышающего безопасные рекомендованные нормы. В социологии эти формы потребления алкоголя принято рассматривать как социальную проблему и девиантное поведение [14].

Результаты. Мы будем придерживаться следующей логики изложения современных макро- и микросоциологических теорий. Вначале изложим микросоциологические теории, фокусирующиеся в большей степени на социальных процессах вовлечения индивидов и групп в проблемную алкоголизацию, таких как социальное научение и дифференциальные ассоциации. Далее мы перейдем к теориям социального контроля, реализуемого на уровнях семьи, сверст-

ников и другого социального кружения. Далее мы перейдем к макросоциологическим теориям (напряжения, социальной дезорганизации, социокультурного стресса).

Микросоциологические теории. Теория социального научения Р. Бергесса и Р. Эйкерса [15] первоначально возникла на основе желания авторов пересмотреть теорию *дифференцированной связи* Э. Сазерленда, разработанную еще в 1930-х гг., в терминах теорий подкрепления (Р. Скиннер, А. Бандура) [16]. Основные положения теории социального научения следующие: социальное поведение приобретает как за счет прямого обусловливания, так и через имитацию или моделирование поведения других людей. Поведение закрепляется за счет вознаграждения и избегания наказания. Девиантное или конформное поведение приобретает и сохраняется в зависимости от прошлого и настоящего вознаграждения или наказания за поведение и награды и наказания, закрепленные за альтернативными формами поведения – дифференциального подкрепления. Кроме того, в процессе взаимодействия со значимыми социальными группами люди научаются оценочным определениям (нормам, установкам, ориентации) поведения как хорошего или плохого [17]. Источники подкрепления могут иметь как социальную (например, одобрение сверстниками), так и несоциальную природу (например, свойство алкоголя снижать тревогу), однако теория утверждает, что принципиальные поведенческие эффекты возникают во взаимодействии или под влиянием социальных групп, содержащих ресурсы подкрепления для индивида, а также поведенческие модели и оценочные определения. Подкрепляющим эффектом могут обладать ожидания позитивных социальных и психологических последствий употребления алкоголя, а не только собственный опыт [18]. Теория получила хорошую эмпирическую поддержку применительно к объяснению вовлечения в проблемное потребление алкоголя [19], в том числе и в российских эмпирических исследованиях [20; 21]. В обоих исследованиях было показано, что модели потребления алкоголя родителями (в том числе и проблемного) воспроизводятся их детьми в период подросткового периода и ранней взрослости.

Теория ожидаемого действия алкоголя (ОДА) Т. Ои и А. Болдуина (Alcohol Expectancy Theory) [22] утверждает, что поведение индивида зависит от взаимного влияния социальной среды и когнитивных процессов. Ожидаемое действие алкоголя формируются под воздействием социальных влияний культуры, семьи и сверстников в период детско-подростковой и молодежной социализации; социализирующие агенты вступают при этом во взаимодействие с индивидуальными особенностями [23]. Применительно к объяснению проблемного потребления алкоголя, теория получила значительную эмпирическую поддержку в зарубежных исследованиях [24; 25; 26]. Кросс-культурные популяционные исследования показали, что россиянам свойственны более выраженные позитивные ожидания от приема алкоголя [27; 28; 29].

Следующее направление теоретизирования сосредоточивает внимание на контроле девиантности. Т. Хирши [30] предположил, что индивиды нарушают нормы и законы в том случае, если они не прошли эффективную социализацию, результатом которой становится вера в правильность ценностей, общепринятых в обществе, активное стремление к успешной учебе, участию в социально одобряемой деятельности, привязанность к родителям, школе и сверстникам. Таким образом, девиации совершаются в результате ослабления социальных связей. Применительно к проблемной алкоголизации модель социальных связей Т. Хирши тестировалась К. Дуркином, Т. Вольфом и Дж. Кларком [31].

В более поздней Общей теории преступности М. Готтфредсон и Т. Хирши [32] доказывают, что все люди испытывают девиантные импульсы, однако одни успешно им противостоят, другие же им поддаются. Способность противостоять девиантным импульсам является следствием самоконтроля. Самоконтроль развивается в детстве, под воздействием родительских воспитательных практик. Низкий самоконтроль развивается в условиях воспитания в расширенных семьях, семьях с одним родителем, с замещающим родителем.

Результаты российских исследований в значительной степени подтверждают теорию самоконтроля в том случае, если исследования выполняются на подростках и молодежи [33; 34]. Однако связь самоконтроля, воспитательных практик в детстве и актуального проблемного потребления алкоголя не устанавливается в исследованиях взрослого населения [35]. Вероятно, самоконтроль не так стабилен, как предсказывали Хирши и Готтфредсон.

Современные теории эффективно интегрировали контроль и социальное научение. Одной из наиболее цитируемых теорий этого направления является *Модель социального развития (MSP)* Р. Каталано и Дж. Хокинса [36]. Это общая теория поведения, которая специфицирует роль процессов развития в детерминации просоциального и проблемного поведения и интегрирует теории социального научения Р. Бергесса и Р. Эйкерса, социального контроля Т. Хирши и дифференциальной ассоциации Э. Сазерленда [37]. Согласно Модели социального развития, социализационные процессы проходят четыре отдельных периода: дошкольный, младший школьный, средняя школа и старшие классы школы [38]. Доминирующая социализи-

рующая единица, с которой у индивида сформированы социальные связи, в эти четыре периода меняются: соответственно это родители или иные воспитательные фигуры во время дошкольного и младшего школьного социализационных периодов; сверстники и территориальная общность начинают играть все большую роль по мере переходов ребенка из младшей школы в старшую и роста его самостоятельности [39]. Социализационный процесс результирует в научении индивида просоциальным либо антисоциальным (проблемным) поведенческим паттернам. Теория получила хорошую эмпирическую поддержку применительно к объяснению проблемной алкоголизации [40]. Публикаций о ее тестировании на российском эмпирическом материале нами обнаружено не было.

Систематический анализ лонгитюдных исследований продемонстрировал, что обе ориентации – социального научения и контроля получают весомую эмпирическую поддержку в том случае, если фокусом внимания является родительская семья [41]. Ограничением всех социализационных теорий остается тот факт, что неясно, какова дальнейшая траектория проблемного поведения при переходе во взрослый возраст и какое влияние оказали конструкты, действовавшие в период первичной социализации на злоупотребление алкоголем у взрослого индивида. Исследования такого рода довольно ограничены, поскольку предполагают затратный, долгосрочный и трудоемкий лонгитюдный дизайн. Дж. Шуленберг, К. Водсворт, П. Омейли, Дж. Бачман и Дж. Джонстон [42] изучили траектории проблемной алкоголизации подростков. Оказалось, что только гендер, низкий самоконтроль и употребление алкоголя для регуляции своего эмоционального состояния были значимыми предикторами пьянства в период ранней взрослости вне зависимости от характера употребления алкоголя в подростковом возрасте.

Макросоциологические теории. В этом разделе мы рассмотрим теории, изучающие вариацию в уровне злоупотребления алкоголем в зависимости от социетальных факторов и исторических периодов. В значительной степени они базируются на концепции аномии и идеях Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, Р. Мертонса. Нужно отметить, что российская алкогольная проблема часто интерпретируется классиками российской социологии именно в терминах теории аномии [43; 44; 45].

Одной из наиболее влиятельных девиантологических теорий этого направления является Общая теория напряжения (ОТН) (General Strain Theory) Р. Агню (R. Agnew) [46; 47; 48]. Обращаясь к оригинальной мертоновской формулировке теории напряжения, ОТН объясняет девиантное поведение как ответ на «негативные взаимоотношения» («negative relationships»), включающие 1) неудачные попытки индивида достичь позитивно оцениваемые цели; 2) фактическое или ожидаемое действие негативных стимулов; 3) фактическое или ожидаемое устранение позитивно оцениваемых стимулов [49]. В ответ на стресс некоторые индивиды обращаются к девиантному поведению. Теория проверялась на эмпирическом материале опроса случайной выборки взрослых россиян [50]. В регрессионном анализе влияние напряжения на тяжелую алкоголизацию было скорректировано культуральными ожиданиями в отношении мужской и женской гендерной роли.

Концепция культурально-детерминированного стресса объясняет различия в уровне алкоголизации между обществами, отличающимися политическим и социальным устройством. Культурные особенности общества могут сами по себе индуцировать стресс [51]. Такими источниками стресса выступают различные институты социального контроля, от табу в древних обществах до НКВД в недавнем советском прошлом. Концепция привлекалась Б. Сегалом [52] для объяснения уровня алкоголизации и алкоголизма в советском обществе на материалах исследования, проведенного в 1965–1972 гг.

В исследовании И.Н. Гурвича (СИ РАН) [53] историческая динамика в алкоголизации населения России за 200-летний период была проанализирована на материалах статистических показателей алкоголизации. Была показана связь распространенности пьянства и социально-политических изменений в России. Автор предполагает двунаправленный характер причинных связей. В рамках первого направления причинности рост пьянства выступает только одним из проявлений так называемого «социетального беспокойства», результатом которого и являются в конечном счете социально-политические изменения. В рамках второго направления причинности, напротив, сами социальные изменения порождают стресс, неадекватной, хотя и культурально детерминированной реакцией преодоления которого выступает тяжелая алкоголизация. Связь социального стресса и алкоголизации также изучалась в ряде популяционных исследований, проведенных в России [54; 55].

В заключение рассмотрения современных социологических теорий, объясняющих проблемное потребление алкоголя, необходимо упомянуть метатеории, которые организуют «теоретическую рамку» для эмпирических исследований и разработки программ предупреждения распространения проблемного потребления алкоголя.

В их число входит Теория триадического влияния (ТТВ) Дж. Петрайтиса, Б. Флея и Т. Миллера [56]. Теория объясняет поведение как результат трех направлений причинности (внутриличностные, межличностные и социокультурно-экологические причины), которые, в свою очередь, проходят через несколько уровней причинности (конечная, проксимальная, дистальная). Все три направления влияют на когнитивное функционирование индивида (его намерения и решения), которые являются окончательным предиктором поведения. Наконец, само по себе поведение может иметь последствия, которые дают обратную связь на первоначальные факторы, повлиявшие на формирование этого поведения. Эта теоретическая рамка использовалась М. Ганнинг [57] для объяснения корреляций потребления психоактивных веществ (ПАВ) в выборках российских и американских подростков. Все три типа влияния были значимыми предикторами потребления алкоголя среди российских и американских подростков.

Модель факторов девиантного поведения, предложенная И.Н. Гурвичем [58; 59], исходит из положения о том, что характеристики потребления алкоголя населением формируются под воздействием факторов 4 уровней: а) индивидуально-биологические; б) социально-структурные (социально-экономический статус, структурная интеграция); в) социально-динамические (процессуальные) (ценности, правосознание); г) социально-институциональные (нормы, контроль, этикетирование). Индивидуально-биологические характеристики рассматриваются автором как константные и исключены из социологического анализа. Три другие группы характеристик локализованы на уровне социума. При этом социально-структурные факторы девиантности акцентируются классическими социологическими теориями, близкими к марксизму (вообще к «конфликтным» теориям). Социально-процессуальные характеристики являются предметом модернистских социологических построений, а социально-институциональные характеристики, отражающие социетальную реакцию на девиантность, выступают содержанием постмодернистского направления теоретизирования в области девиантологии. Модель получила значительную эмпирическую поддержку [60].

Заключение. Социологические теории понимают проблемное потребление алкоголя как социальный феномен, имеющий культурные, социальные, экономические основы. В объяснении проблемного потребления алкоголя социологические теории привлекают внимание к социальному окружению индивида, как непосредственному, так и более дистальному. Макросоциологические теории рассматривают алкоголизацию как социальное явление, порожденное объективными факторами функционирования общества, такими как культурная традиция или социальные изменения, приводящие к напряжению и неадекватным реакциям населения на это напряжение. Микросоциологические теории рассматривают проблемное потребление алкоголя как поведение, которое формируется под влиянием процессов социального взаимодействия на уровне межличностного общения и в малых группах. Развитие теорий движется в направлении разработки «теоретических рамок» для изучения проблемного поведения, которые легко интегрируют микро- и макросоциологические теории и их элементы.

Эмпирические исследования, основанные на современных социологических теориях к объяснению проблемного потребления алкоголя, в российском контексте единичны. Следствием этого положения дел является ограниченное и неструктурированное понимание природы социальных факторов проблемного потребления алкоголя и значительная недооценка их роли в поддержании устойчиво высокого уровня проблемного потребления алкоголя в России. Более широкое применение социально-поведенческого подхода к изучению проблематики алкогольного поведения позволит получить важные данные, необходимые для разработки эффективных мер социального контроля и программ профилактики проблемного потребления алкоголя в России.

Ссылки:

1. WHO. Global status report on alcohol and health. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://apps.who.int/iris/handle/10665/44499> (accessed February 7, 2014).
2. Stickley A. et al. Alcohol poisoning in Russia and the countries in the European part of the former Soviet Union, 1970–2002 // Eur. J. Public Health. 2007. Vol. 17. № 5. С. 444–9.
3. WHO. Global status report on alcohol and health. 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://apps.who.int/iris/handle/10665/44499> (accessed February 7, 2014).
4. Гурвич И.Н. Исторические тенденции в алкоголизации населения России // Употребление алкоголя в России: история, статистика, психология. СПб., 1998. С. 28–48 ; Горячева Н.А. Особенности опыта алкоголизации в России и Финляндии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 3. С. 182–191.
5. Употребление алкоголя в России: история, статистика, психология / И. Гурвич [и др.]. СПб., 2008. 184 с.
6. Заиграев Г.Г. Государственная политика как фактор алкоголизации населения // Социологические исследования. 1997. Т. 4. С. 109–116.
7. Заиграев Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 74–87.
8. Левин Б.М. Потребление алкогольных напитков и его тенденции в постсоветской России. М., 1995.
9. Левин Б.М., Левин М.Б. Алкогольная ситуация – 1988 : препринт доклада. М., 1988.
10. Такала И. Веселие Руси: история алкогольной проблемы в России // Нева. 2002.

11. Nemtsov A. A Contemporary History of Alcohol in Russia. Serie: Södertörn Academic Studies. Stockholm, 2011.
12. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья СПб., 1999. С. 1025.
13. Stockwell T. et al. International Guide for Monitoring Alcohol Consumption and Harm // *World Heal. Organ.* 2000. P. 1–193.
14. Гилинский Я.И. Алкоголь и мы // *Вестник Орловского государственного университета.* 2010. № 3. С. 36.
15. Burgess R.L., Akers R.L. A Differential Association-Reinforcement Theory of Criminal Behavior // *Soc. Probl.* 1966. Vol. 14. P. 128–147.
16. Akers R.L. et al. Social learning and deviant behavior: a specific test of a general theory // *Am. Sociol. Rev.* 1979. Vol. 44. P. 636–655.
17. Ibid.
18. Marlatt G.A., Rohensow D.J. Cognitive processes in alcohol use: Expectancy and the balanced placebo design // N.K. Mello (Ed.), *Advances in substance abuse: Behavioural and biological research*, Vol. 1. Greenwich, CT, 1980. P. 159–199.
19. Akins S., Smith C.L., Mosher C. Pathways to Adult Alcohol Abuse across Racial / Ethnic Groups: An Application of General Strain and Social Learning Theories // *J. Drug Issues.* 2010. Vol. 40. № 2. P. 321–351.
20. Одинокова В.А. Историческая устойчивость российского паттерна алкоголизации: пример студентов СПбГУ // *Современные исследования социальных проблем : электронный научный журнал.* 2012. Т. 11. № 3.
21. Van Gundy K. Gender and intergenerational transmission of alcohol use patterns: an analysis of adult children in Moscow // *Subst. Use Misuse.* 2002. Vol. 37. № 1. P. 65–87.
22. Oei T.P., Baldwin A.R. Expectancy theory: a two-process model of alcohol use and abuse // *J. Stud. Alcohol.* 1994. Vol. 55. P. 525–534.
23. Goldman M.S. et al. Alcoholism and memory: broadening the scope of alcohol-expectancy research // *Psychol. Bull.* 1991. Vol. 110. P. 137–146.
24. Haller M. et al. Developmental cascades: linking adolescent substance use, affiliation with substance use promoting peers, and academic achievement to adult substance use disorders // *Dev. Psychopathol.* 2010. Vol. 22. P. 899–916.
25. Hasking P.A., Oei T.P.S. The Differential Role of Alcohol Expectancies, Drinking Refusal Self-Efficacy and Coping Resources in Predicting Alcohol Consumption in Community and Clinical Samples // *Addict. Res. Theory.* 2002. Vol. 10. P. 465–494.
26. Oei T.P., Fergusson S., Lee N.K. The differential role of alcohol expectancies and drinking refusal self-efficacy in problem and nonproblem drinkers // *J. Stud. Alcohol.* 1998. Vol. 59. P. 704–711.
27. Употребление алкоголя в России: история, статистика, психология ...
28. Hibell B. et al. The 2011 ESPAD Report: Substance Use Among Students in 36 European Countries, 2012.
29. Mustonen H. Positive and negative experience related to drinking, Moscow, 1994 // *Demystifying Russian Drinking: Comparative Studies from the 1990s.* Helsinki, 1997. P. 125–148.
30. Hirschi T. *Causes of Delinquency.* Piscataway, NJ, 2002. Issue 9.
31. Durkin K.F., Wolfe T.W., Clark G. Social Bond Theory and Binge Drinking Among College Students: A Multivariate Analysis // *Coll. Stud. J.* 1999. Vol. 33. P. 450–461.
32. Gottfredson M.R., Hirschi T. *A General Theory of Crime.* Stanford, CA: Stanford University press, 1990.
33. Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность / Я. Гилинский [и др.]. СПб., 2001. 200 с.
34. Моисеева В.В. Основные тенденции и факторы риска в алкогольном поведении молодежи: связь с девиацией // *Социальные аспекты здоровья населения : электронный научный журнал.* 2010. Т. 13. № 9.
35. Botchkovar E.V., Broidy L. Parenting, Self-Control, and the Gender Gap in Heavy Drinking: The Case of Russia // *J. Offender Ther. Comp. Criminol.* 2012. DOI: 10.1177/0306624X11435318
36. Catalano R., Hawkins J. The social development model: A theory of antisocial behavior // *Delinquency and Crime: Current Theories.* New York, 1996. P. 149–197.
37. Lonczak H.S. et al. The social predictors of adolescent alcohol misuse: a test of the social development model // *J. Stud. Alcohol.* 2001. Т. 62. P. 179–189.
38. Catalano R., Hawkins J. *Op. cit.*
39. Fleming C.B. et al. A Test of Generalizability of the Social Development Model Across Gender and Income Groups with Longitudinal Data from the Elementary School Developmental Period // *J. Quant. Criminol.* 2002. Vol. 18. P. 423–439.
40. Lonczak H.S. et al. *Op. cit.*
41. Ryan S.M., Jorm A.F., Lubman D.I. Parenting factors associated with reduced adolescent alcohol use: a systematic review of longitudinal studies // *Aust. N. Z. J. Psychiatry.* 2010. Vol. 44. P. 774–783.
42. Schulenberg J. et al. Getting drunk and growing up: trajectories of frequent binge drinking during the transition to young adulthood // *J. Stud. Alcohol.* 1996. Vol. 57. P. 289–304.
43. Заиграев Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России ...
44. Levin B. Main factors of alcohol consumption under conditions of rapid social changes: an essay on Russia // *Demystifying Russian Drinking: Comparative Studies from the 1990s.* / Eds. J. Simpura, B. Levin. Helsinki, 1997. P. 33–58.
45. Nemtsov A. *Op. cit.*
46. Agnew R. Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency // *Criminology.* 1992. Vol. 3. P. 47–65.
47. Agnew R. Building on the Foundation of General Strain Theory: Specifying the Types of Strain Most Likely to Lead to Crime and Delinquency // *J. Res. Crime Delinq.* 2001. Vol. 38. P. 319–361.
48. Agnew R. *Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory.* Los Angeles, CA, 2006.
49. Agnew R. *Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency.*
50. Botchkovar E.V., Hughes L.A. Strain and Alcohol Use in Russia: A Gendered Analysis // *Sociol. Perspect.* 2010. Vol. 53. P. 297–319.
51. Гурвич И.Н. Социальная психология здоровья. СПб., 1999. С. 1025.
52. Segal B. Drinking patterns and alcoholism in Soviet and American societies: A multidisciplinary comparison // *Psychiatry and psychology in the USSR.* NY, 1976. P. 181–265.
53. Гурвич И.Н. Исторические тенденции в алкоголизации населения России.
54. Cockerham W.C., Hinote B.P., Abbott P. Psychological distress, gender, and health lifestyles in Belarus, Kazakhstan, Russia, and Ukraine // *Soc. Sci. Med.* 2006. Vol. 63. P. 2381–2394.
55. Pomerleau J. et al. Hazardous alcohol drinking in the former Soviet Union: a cross-sectional study of eight countries // *Alcohol Alcohol.* 2008. Vol. 43. № 3. P. 351–9.
56. Petraitis J., Flay B.R., Miller T.Q. Reviewing theories of adolescent substance use: organizing pieces in the puzzle // *Psychol. Bull.* 1995. Vol. 117. P. 67–86.
57. Gunning M. et al. Concurrent predictors of cigarette and alcohol use among U.S. and Russian adolescents // *J. Drug Educ.* 2009. Vol. 39. P. 385–400.
58. Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность.
59. Гурвич И.Н. Общая теоретическая модель факторов формирования девиантного поведения // *Теоретические модели формирования, контроля и коррекции наркопотребления / под ред. Л.А. Цветкова, И.Н. Гурвич, А.В. Шаболтас.* СПб., 2006. С. 7–8.
60. Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность.

References:

1. WHO. *Global status report on alcohol and health* 2011, retrieved 07 February 2014, <<http://apps.who.int/iris/handle/10665/44499>>.
2. Stickley, A et al. 2007, 'Alcohol poisoning in Russia and the countries in the European part of the former Soviet Union, 1970-2002', *Eur. J. Public Health*, vol. 17, no. 5, p. 444-9.
3. WHO. *Global status report on alcohol and health* 2011, retrieved 07 February 2014, <<http://apps.who.int/iris/handle/10665/44499>>.
4. Gurvich, IN 1998, 'Historical trends in alcohol abuse in Russia', *Alcohol consumption in Russia: history, statistics, psychology*, St. Petersburg, p. 28-48; Goryacheva, NA 2004, 'Features experience alcoholism in Russia and Finland', *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. VII, no. 3, p. 182-191.
5. Gurvich, IN et al. 2008, *Drinking alcohol in Russia: history, statistics, psychology*, St. Petersburg, 184 p.
6. Zaigraev, GG 1997, 'Public policy as a factor in alcohol abuse', *Sociological Studies*, vol. 4, p. 109-116.
7. Zaigraev, GG 2009, 'Alcoholism and drunkenness in Russia. Ways out of the crisis', *Sociological Studies*, no. 8, p. 74-87.
8. Levin, BM 1995, *Alcoholic Beverages and trends in post-totalitarian Russia*, Moscow.
9. Levin, BM & Levin, MB 1988, *Alcohol situation – 1988: preprint report*, Moscow.
10. Takala, I 2002, 'Russian fun: history of alcohol problems in Russia', Neva.
11. Nemtsov, A 2011, *A Contemporary History of Alcohol in Russia*, Serie: Södertörn Academic Studies, Stockholm.
12. Gurvich, IN 1999, *Social Psychology of Health*, St. Petersburg, p. 1025.
13. Stockwell, T et al. 2000, 'International Guide for Monitoring Alcohol Consumption and Harm', *World Heal. Organ.*, p. 1-193.
14. Gilinskiy, YI 2010, 'Alcohol and we', *Herald of Orel State University*, no. 3, . 36.
15. Burgess, RL & Akers, RL 1966, 'A Differential Association-Reinforcement Theory of Criminal Behavior', *Soc. Probl.*, vol. 14, p. 128-147.
16. Akers, RL et al. 1979, 'Social learning and deviant behavior: a specific test of a general theory', *Am. Sociol. Rev.*, vol. 44, p. 636-655.
17. Akers, RL et al. 1979, 'Social learning and deviant behavior: a specific test of a general theory', *Am. Sociol. Rev.*, vol. 44, p. 636-655.
18. Marlatt, GA & Rohensow, DJ 1980, 'Cognitive processes in alcohol use: Expectancy and the balanced placebo design', in Mello NK (ed.), *Advances in substance abuse: Behavioural and biological research*, vol. 1, Greenwich, CT, p. 159-199.
19. Akins, S, Smith, CL & Mosher, C 2010, 'Pathways to Adult Alcohol Abuse across Racial / Ethnic Groups: An Application of General Strain and Social Learning Theories', *J. Drug Issues*, vol. 40, no. 2, p. 321-351.
20. Odinkova, VA 2012, 'Historical Russian resistance pattern of alcoholism: the case of SPSU students', *Current research on social issues: electronic scientific journal*, vol. 11, no. 3.
21. Van Gundy, K 2002, 'Gender and intergenerational transmission of alcohol use patterns: an analysis of adult children in Moscow', *Subst. Use Misuse*, vol. 37, no. 1, p. 65-87.
22. Oei, TP & Baldwin, AR 1994, 'Expectancy theory: a two-process model of alcohol use and abuse', *J. Stud. Alcohol*, vol. 55, p. 525-534.
23. Goldman, MS et al. 1991, 'Alcoholism and memory: broadening the scope of alcohol-expectancy research', *Psychol. Bull.*, vol. 110, p. 137-146.
24. Haller, M et al. 2010, 'Developmental cascades: linking adolescent substance use, affiliation with substance use promoting peers, and academic achievement to adult substance use disorders', *Dev. Psychopathol.*, vol. 22, p. 899-916.
25. Hasking, PA & Oei, TPS 2002, 'The Differential Role of Alcohol Expectancies, Drinking Refusal Self-Efficacy and Coping Resources in Predicting Alcohol Consumption in Community and Clinical Samples', *Addict. Res. Theory*, vol. 10, p. 465-494.
26. Oei, TP, Fergusson, S & Lee, NK 1998, 'The differential role of alcohol expectancies and drinking refusal self-efficacy in problem and nonproblem drinkers', *J. Stud. Alcohol*, vol. 59, p. 704-711.
27. Gurvich, IN et al. 2008, *Drinking alcohol in Russia: history, statistics, psychology*, St. Petersburg, 184 p.
28. Hibell, B et al. 2012, *The 2011 ESPAD Report: Substance Use Among Students in 36 European Countries*.
29. Mustonen, H 1997, 'Positive and negative experience related to drinking, Moscow, 1994', *Demystifying Russian Drinking: Comparative Studies from the 1990s*, Helsinki, p. 125-148.
30. Hirschi, T. 2002, 'Causes of Delinquency', *Piscataway, NJ*, issue 9.
31. Durkin, KF, Wolfe, TW & Clark, G 1999, 'Social Bond Theory and Binge Drinking Among College Students: A Multivariate Analysis', *Coll. Stud. J.*, vol. 33, p. 450-461.
32. Gottfredson, MR & Hirschi, T 1990, *A General Theory of Crime*, Stanford, CA: Stanford University press.
33. Gilinskiy, Y et al. 2001, *Deviance adolescents: theory, methodology, empirical reality*, St. Petersburg, 200 p.
34. Moiseeva, VV 2010, 'Major trends and risk factors in youth alcohol behavior: association with deviation', *Social aspects of public health: electronic scientific journal*, vol. 13, no. 9.
35. Botchkovar, EV & Broidy, L 2012, 'Parenting, Self-Control, and the Gender Gap in Heavy Drinking: The Case of Russia', *J. Offender Ther. Comp. Criminol.*, DOI: 10.1177/0306624X11435318.
36. Catalano, R & Hawkins, J 1996, 'The social development model: A theory of antisocial behavior', *Delinquency and Crime: Current Theories*, New York, p. 149-197.
37. Lonczak, HS et al. 2001, 'The social predictors of adolescent alcohol misuse: a test of the social development model', *J. Stud. Alcohol*, vol. 62, p. 179-189.
38. Catalano, R & Hawkins, J 1996, 'The social development model: A theory of antisocial behavior', *Delinquency and Crime: Current Theories*, New York, p. 149-197.
39. Fleming, CB et al. 2002, 'A Test of Generalizability of the Social Development Model Across Gender and Income Groups with Longitudinal Data from the Elementary School Developmental Period', *J. Quant. Criminol.*, vol. 18, p. 423-439.
40. Lonczak, HS et al. 2001, 'The social predictors of adolescent alcohol misuse: a test of the social development model', *J. Stud. Alcohol*, vol. 62, p. 179-189.
41. Ryan, SM, Jorm, AF & Lubman, DI 2010, 'Parenting factors associated with reduced adolescent alcohol use: a systematic review of longitudinal studies', *Aust. N. Z. J. Psychiatry*, vol. 44, p. 774-783.
42. Schulenberg, J et al. 1996, 'Getting drunk and growing up: trajectories of frequent binge drinking during the transition to young adulthood', *J. Stud. Alcohol*, vol. 57, p. 289-304.
43. Zaigraev, GG 2009, 'Alcoholism and drunkenness in Russia. Ways out of the crisis', *Sociological Studies*, no. 8, p. 74-87.

44. Levin, B 1997, 'Main factors of alcohol consumption under conditions of rapid social changes: an essay on Russia', in Simpura, J & Levin, B (eds.), *Demystifying Russian Drinking: Comparative Studies from the 1990s*, Helsinki, p. 33-58.
45. Nemtsov, A 2011, *A Contemporary History of Alcohol in Russia*, Serie: Södertörn Academic Studies, Stockholm.
46. Agnew, R 1992, 'Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency', *Criminology*, vol. 3, p. 47-65.
47. Agnew, R 2001, 'Building on the Foundation of General Strain Theory: Specifying the Types of Strain Most Likely to Lead to Crime and Delinquency', *J. Res. Crime Delinq.*, vol. 38, p. 319-361.
48. Agnew, R 2006, *Pressured into Crime: An Overview of General Strain Theory*, Los Angeles, CA.
49. Agnew, R 1992, 'Foundation for a General Strain Theory of Crime and Delinquency', *Criminology*, vol. 3, p. 47-65.
50. Botchkovar, EV & Hughes, LA 2010, 'Strain and Alcohol Use in Russia: A Gendered Analysis', *Sociol. Perspect*, vol. 53, p. 297-319.
51. Gurvich, IN 1999, *Social psychology of health*, St. Petersburg, p. 1025.
52. Segal, B 1976, 'Drinking patterns and alcoholism in Soviet and American societies: A multidisciplinary comparison', *Psychiatry and psychology in the USSR*, NY, p. 181-265.
53. Gurvich, IN 1998, 'Historical trends in alcohol abuse in Russia', *Alcohol consumption in Russia: history, statistics, psychology*, St. Petersburg, p. 28-48.
54. Cockerham, WC, Hinote, BP & Abbott, P 2006, 'Psychological distress, gender, and health lifestyles in Belarus, Kazakhstan, Russia, and Ukraine', *Soc. Sci. Med.*, vol. 63, p. 2381-2394.
55. Pomerleau, J et al. 2008, 'Hazardous alcohol drinking in the former Soviet Union: a cross-sectional study of eight countries', *Alcohol*, vol. 43, no. 3, p. 351-9.
56. Petraitis, J, Flay, BR & Miller, TQ 1995, 'Reviewing theories of adolescent substance use: organizing pieces in the puzzle', *Psychol. Bull.*, vol. 117, p. 67-86.
57. Gunning, M et al. 2009, 'Concurrent predictors of cigarette and alcohol use among US and Russian adolescents', *J. Drug Educ.*, vol. 39, p. 385-400.
58. Gilinskiy, Y et al. 2001, *Deviance adolescents: theory, methodology, empirical reality*, St. Petersburg, 200 p.
59. Gurvich, IN 2006, 'General theoretical model factors in the formation of deviant behavior', in Tsvetkov, LA, Gurvich, IN & Shabolts, AV (ed.), *Theoretical models for the formation, control and correction of drug*, St. Petersburg, p. 7-8.
60. Gilinskiy, Y et al. 2001, *Deviance adolescents: theory, methodology, empirical reality*, St. Petersburg, 200 p.